

ЦАРСТВЕННОЕ ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВѢКА. *)

Сегодня мы открываемъ рядъ апологетическихъ бесѣдъ, въ которыхъ будутъ заслушиваемы и обсуждаемы различные мнѣнія.

Признаюсь, мысль объ этихъ бесѣдахъ на первыхъ порахъ возбуждала во мнѣ не одно противъ себя возраженіе; настоящее время, когда мы, если такъ можно выразиться, поработочены всѣмъ этимъ очарованіемъ видимаго, казалось мнѣ моментомъ для этихъ бесѣдъ неудобнымъ. Но поразмысливъ, я пришелъ къ рѣшенію, что въ этомъ великомъ международномъ состязаніи должно быть дано мѣсто и христіанству. Я припомнилъ себѣ ап. Павла среди арсонага, въ Аѳинахъ, какъ онъ предъ самыми рѣдкими чудесами природы и искусства не забываетъ ни на мгновеніе своего высокаго служенія и воздвигаетъ крестъ Христа своего въ виду мраморныхъ изваяній Фидія.

*) La royauté de l'homme. Подъ этимъ заглавіемъ въ Revue chrétienne, 1878 г. № 10, помѣщена стенографически записанная рѣчь Прессанса, произнесенная имъ 1 августа прошедшаго года на парижской всемирной выставкѣ, въ залѣ Трокадеро. Этою рѣчью, какъ видно изъ верхнихъ строкъ ея, Прессанс открывалъ рядъ апологетическихъ чтеній. Но она имѣетъ совершенно цѣлостный, законченный характеръ. Содержаніемъ ея служитъ замицденіе высокаго (царственнаго) положенія человека въ порядкѣ природы противъ ролѣйшихъ ученій, которыя производятъ человека изъ низшихъ формъ бытія (дарвинизмъ). Редакція помѣщаетъ переводъ настоящей рѣчи во вниманіе къ ея сюжету, представляющему живой современный интересъ и изложенію въ формѣ, свободной отъ тяжелой научно-спеціальной обстановки, но дающей достаточное представленіе о предметѣ.

Именно въ виду всего этого блеска человѣческой производительности, сіяющаго предъ нашими глазами, я беру и сюжетъ для настоящей бесѣды, потому что царственное достоинство человѣка, можно сказать, не подтверждалось болѣе блестящимъ и болѣе великолѣпнымъ образомъ. Никогда не праздновало оно болѣе величественнаго торжества на землѣ. Но чтожь? и на этомъ торжествѣ, какъ въ древнемъ Римѣ, находить себѣ мѣсто хульникъ. Кто же это такой осмѣливается возмущать этотъ пышный праздникъ труда и силится унижить достоинство человѣка? Ужь не встрѣтимъ ли мы его между представителями религіи, проповѣдующей о смиреніи и покаяніи? Нѣтъ,—его нужно искать въ иномъ мѣстѣ, среди корифеевъ науки, или лучше сказать известной доктрины, которая повергаетъ въ грязь царскій вѣнецъ человѣка, говоря этому гордому созданію: «Ты вышелъ вотъ изъ этой грязи, когда она согрѣта была первыми лучами солнца. Ты—только продуктъ жизненныхъ силъ природы; ты—вообще не царь; ты—последнее порожденіе живогности» ¹⁾.

Белибъ эта доктрина основана была на истинѣ, то намъ надлежало бы только преклониться предъ нею, и горячіе протесты противъ нее не имѣли бы силы. *Dura veritas*, сказали бы мы, *sed veritas*: жестокая правда, но тѣмъ не менѣе правда. Намъ тогда оставалось бы только войти въ указываемое ею положеніе. Но благодареніе Богу, мы не доведены еще до такой необходимости. Мы думаемъ, что эта мнимо-научная доктрина ошибается и стоять въ противорѣчіи съ самыми положительными фактами, когда хочетъ такъ принизить и развѣнчать человѣка. Мы хотѣлось бы теперь, самымъ краткимъ образомъ, въ предѣлахъ пред-

¹⁾ Авторъ разуметь здѣсь известнаго германскаго натуралиста—Геккеля, который по прибытіи на парижскую выставку успѣшилъ издать печатный манифестъ, объявляющій отъ имени науки о происхожденіи человѣка отъ обезьяны.

положеннаго времени, попытаться доказать это положеніе. Какъ ученикъ религіи, которая никогда не обольщаза чело-
вѣчества, и хотѣлъ бы доказать сначалаъ, что тѣто имен-
но и вводить насъ въ обманъ, которые хотятъ обезславить
человѣчество, срывая съ него царскій вѣнецъ. Затѣмъ, по
второй половинѣ своей бесѣды, я хотѣлъ бы изслѣдовать,
подъ какимъ условіемъ можетъ сохраняться чело-вѣкомъ это
царственное достоинство его, потому что мало считать его
доказаннымъ фактомъ,—нужно еще и сохранять его. Я по-
пытаюсь доказать, что оно въ одинаковой мѣрѣ подвергаетъ
ся опасности, и когда его преувеличиваютъ, и когда уни-
жаютъ.

I.

Вѣроятно, вы уже назвали ту научную школу, кото-
рая поставила себѣ задачей—низвести чело-вѣка на степень
животнаго; это—матеріалистическій трансформизмъ,—говорю
матеріалистическій, потому что возможенъ трансформизмъ и
идеалистическій, т. е. такая доктрина, которая до извест-
ной степени допускаетъ преобразование существъ, вполне
признавая при этомъ бытіе творца и цѣлесообразность его
творенія. Мы остерегаемся и не хотимъ дѣлать христіан-
ство солидарнымъ съ какою-бы то ни было наукою систе-
мою. Его судьбѣ не слѣдуетъ вѣрить случайностямъ на-
уки; по самому существу своему измѣнчивой. Мы должны,
поэтому, безусловно уважать область того изслѣдованія,
которое констатируетъ факты. Мы не допускаемъ науки не-
посредственно вдохновенной; откровеніе говорить только о
томъ, чего самъ чело-вѣкъ не можетъ открыть. Но если мы
признаемъ за наукою принадлежащую ей область, то подъ
условіемъ, чтобы она не выступала изъ этой области, что-
бы ограничивалась констатированіемъ фактовъ, ихъ клас-
сификаціей и извлеченіемъ изъ нихъ правильныхъ выво-
довъ, строго воздерживаясь при этомъ отъ преждевремен-
наго рѣшенія не принадлежащихъ ей философскихъ вопро-

совъ каковы напр. вопросы о происхожденіи, на основаніи однихъ гипотезъ. А это то именно и дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, матеріалистическій трансформизмъ. Представимъ главные данныя для этого въ краткомъ изложеніи и насколько, возможно, самымъ яснымъ образомъ.

Основателемъ матеріалистическаго трансформизма, какъ вамъ извѣстно, былъ славный англійскій натуралистъ, обогатившій, впрочемъ, науку множествомъ наблюденій; потому что система можетъ быть и ошибочною и въ тоже время оказывать серьезныя услуги. Система Дарвина была особенно развита въ Германіи Геккелемъ, тоже весьма замѣчательнымъ, въ другихъ отношеніяхъ, ученымъ, посвятившимъ себя дѣлу матеріалистическаго трансформизма, какъ своего рода апостолу. Мы увидимъ сейчасъ, что онъ требуетъ отъ насъ много ищры.

По теоріи Геккеля, система вселенной есть то, что онъ называетъ *монизмомъ*, т. е. система абсолютнаго единства. Во всей вселенной существуетъ одинъ только элементъ,—это матерія тождественная силѣ. Изъ этой матеріи, въ преемственныхъ эволюціяхъ рождаются всѣ категоріи существъ, происходя одни отъ другихъ. Первая органическая кѣточка образовалась путемъ самопроизвольнаго зарожденія: она явилась вначалѣ совершенно одна; потомъ, пришедши въ движеніе, раздвоилась и такимъ образомъ начала безконечный рядъ универсальнаго развитія, которое, путемъ преемственныхъ преобразованій, проходя чрезъ формы моллюска, рыбы, млекопитающаго, достигло человѣка, такъ что и самая высшая жизнь, со всею ея богатствомъ, происходитъ въ концѣ концовъ отъ этой маленькой элементарной кѣточки. Это же самое развитіе продолжалось и по всему пространству негоръ, слѣдуя точно опредѣленнымъ законамъ. Никакой особой силы, распоряжающейся всею эггивъ процессомъ бытія, не было; всю эту безконечною работою не управляла никакая разумная мысль. Дарвинъ и Геккель не признаютъ иного закона, кромѣ борьбы за существова-

ние. Существа, разъ достигшія бытія, вступали въ ожесточенную борьбу одни противъ другихъ изъ-за того, чтобы снискать себѣ пропитаніе, потому что земли была не въ состояніи кормить ихъ всѣхъ. Въ этой опустошительной войнѣ одни изъ нихъ оставались побѣдителями, другія побѣжденными. Побѣдителями являлись сильнѣйшія, наилучше организованныя; тѣ преимущества, которыя составляли ихъ превосходство, они передавали своимъ наследникамъ, а эти, приспособляясь къ новой средѣ, вступали въ новую ступень развитія. Путемъ этой то ожесточенной борьбы, этой то смертельной войны, оставившей слабыхъ позади, и совершающаго прогрессъ, поднималось впередъ развитіе, доколѣ не достигнуто наконецъ человека, жизни высшей, которую, впрочемъ, не хотѣтъ называть жизнью духа.

Эта система весьма сильно была опровергаема людьми науки, стоявшими на точкѣ зрѣнія констатированія фактовъ. Въ частности, во Франціи, я папомъ о превосходныхъ трудахъ Блавиара и Кагренжа.

Эти ученые, опровергавшіе матеріалистическій трансформизмъ, упрекали его прежде всего въ томъ, что онъ не вѣренъ самому основному научному закону, по требованію котораго надлежитъ допускать только доказанные факты,— что онъ довольствуется не доказанными гипотезами и требуетъ отъ насъ чистѣйшихъ актовъ вѣры,—вѣры въ спеціальнѣйшемъ смыслѣ слова, имѣющей приложеніе къ вещамъ невидимымъ, хотя такого рода вѣра, казалось бы, мало-умѣстна въ области научной. Укажемъ бѣгло на тѣ акты вѣры, которыхъ отъ насъ требуютъ. Актъ первый: органическая жизнь, говорятъ намъ адепты матеріалистическаго трансформизма, не исходитъ самопроизвольно отъ жизни неорганической. Но гдѣ же можно подмѣтить и констатировать это самопроизвольное возникновеніе жизни и какъ помприть его съ тѣми потерянными, рѣшительными опытами, которые показываютъ, что всюду, гдѣ только познается жизнь, она предшествуется зародышемъ? Актъ

второй: насъ привлекаютъ полѣрнѣ, что виды превращались одни въ другіе и что маленькая первичная клѣточка разомъ пустилась въ то длинное путешествіе, которое должно было достигнуть человека. Да, предстоявшій ей путь былъ путь дѣйствительно длинный.. Но что же было его первою причиною? Что послужило начальнымъ поводомъ къ этому процессу? Услаться на борьбу за существованіе, на жизненное соперничество пока нельзя, потому что тогда не было еще существъ многообразныхъ. Итакъ, что же дало начало великому движенію жизни? Объ этомъ трансформисты ничего не знаютъ....

Хотѣли бы мы знать и о томъ, почему это мы не видимъ уже больше превращеній видовъ во имя борьбы за существованіе? Намъ кажется, что столѣ природы и теперь ссѣрпрованъ не лучше и что голодные не все получаютъ за нимъ приборъ для себя, что, слѣд., всегда остается мѣсто для борьбы за существованіе и этотъ законъ долженъ бы имѣть свое приложение и нынѣ, и мы должны бы видѣть, какъ, при торжествѣ сильныхъ надъ слабыми, возникаютъ новые виды. Но ничего подобнаго мы не видимъ, и какъ бы глубоко ни спустились мы въ прошлое, если бы даже погрузились до самыхъ послѣднихъ его глубинъ, туда, гдѣ, такъ сказать, дремлютъ архивы геологической исторіи земнаго шара, всюду мы встрѣчаемъ строго и точно отличные одни отъ другихъ виды, не усматривая никакихъ слѣдовъ того превращенія, о которомъ говорятъ трансформисты.

Далѣе, опытъ показываетъ, что когда человекъ въ растительномъ или животномъ мѣрѣ производитъ новыя разновидности, то первоначальный типъ восстанавливается опять, амыи. только природа предоставлена бываеъ самой себѣ. А когда онъ скрещиваетъ особи различныхъ видовъ, то являющіяся отъ нихъ помѣси не могутъ размножаться. Бесплодность помѣсей—это непреложный законъ природы, который не можетъ быть никогда измѣненъ. Приглашаемъ

трансформистовъ указать намъ хотя на одно серьезное исключеніе изъ этого закона.

И сами трансформисты должны сознаться, что въ той генеалогіи, дерево которой они выводятъ съ такимъ тщаніемъ, производя наше дворянское достоинство отъ червя земли, недостаетъ многихъ звѣнцевъ. Недостатокъ этотъ замѣчается только въ самыхъ отдаленныхъ отъ насъ періодахъ; въ порядкахъ же, имѣющихъ къ намъ ближайшее отношеніе, блистаютъ своимъ отсутствіемъ самыя нужнѣйшія. Они говорятъ, что мы произошли не отъ тѣхъ обезьянъ, которыхъ видимъ въ настоящее время: есть, по ихъ словамъ, непосредственный предокъ для человека,—его еще не нашли, но найдутъ со временемъ. Въ этомъ случаѣ они несколько напоминаютъ намъ е бою того плута, который завѣрилъ, что въ его палатѣ можно видѣть продуктъ рыбы и грызуна, и показывалъ лишь барда и кролика, отговариваясь, что продуктъ перенесенъ въ королевскій садъ. У трансформистовъ нѣтъ на лицо не продукта, а предка, сокрытаго еще въ обширномъ музеѣ природы. Они завѣряютъ насъ честнымъ словомъ, что онъ будетъ открытъ, но честное слово не доказательство. Итакъ мы въ правѣ сказать, что они постоянно ставятъ вѣру на мѣсто воззрѣнія. Но никогда не требуютъ они отъ насъ столько слѣпой довѣренности къ своимъ гипотезамъ, какъ въ приложеніи своей системы къ человеку.

Въ этомъ случаѣ по ихъ теоріи, изъ клѣточки выходитъ уже не жизнь только, а и духъ, и нравственная жизнь со всѣмъ своимъ богатствомъ. Между человекомъ и животнымъ лежитъ дѣлая пропасть: какой же мостъ перекидываютъ трансформисты чрезъ эту пропасть? И тутъ у нихъ пускается въ ходъ гипотеза,—мостокъ слишкомъ хилый, чтобы довѣрится ему. Известно, что дарвиновская школа нашла очень простое и удобное средство—облегчить себѣ эту задачу. Съ одной стороны, она безмѣрно восхваляетъ животныхъ, съ другой унижаетъ, насколько можно, чело-

вѣка, съ цѣлію—создать между ними искусственное сближеніе. Сочиняется совершенный романъ животныхъ. Въ нихъ указываютъ намъ не только самыя удивительныя интеллектуальныя качества, но и всяческія добродѣтели. Въ этомъ отношеніи трансформисты напоминаютъ собою перваго изъ противниковъ христіанства,—разумѣю Цельса, который первый написалъ методическое сочиненіе противъ христіанской религіи. Цельсъ также точно старался развивать человека, съ цѣлію—доказать, что Богу не стоило являться на землю, дабы спасти такого червяка. По его словамъ, животные также чрезвычайно нравственны и публичны. Въ доказательство этого можно будто бы сослаться на словеса извѣстныхъ своею вѣрностію данной клятвѣ. Дарвинъ, можетъ быть, не заходитъ такъ далеко, однако и онъ слѣдуетъ Цельсу очень близко. Онъ не только безъ мѣры преувеличиваетъ интеллектуальную силу животныхъ, но хотѣлъ бы, чтобы видѣли въ нихъ и нравственность и религіозность. По его мнѣнію, религія, по своему существенному характеру, есть не что иное, какъ предъощущеніе неизвѣстныхъ силъ природы. Онъ серьезно рассказываетъ намъ, что его собака начала однажды лаять предъ пиналерами, задрожавшими отъ вѣтра, потому что подозрѣвала тутъ присутствіе таинственныхъ силъ, которыхъ не знала. Еще бы не много и—эта собака сдѣлалась бы основательницею религіи... Этотъ анекдотъ—одинъ изъ многихъ, которыми иллюстрирована книга Дарвина, столь впрочемъ интересная, о происхожденіи человека.

Что касается Геккеля, то онъ говоритъ о нашей расѣ слѣдующимъ образомъ. «Человѣческая душа развилась вмѣстѣ съ мозжечковою трубкой, функцію которой она представляетъ собою, и подобно тому какъ еще и теперь головной и спинной мозгъ каждаго человека выходятъ изъ этой трубки, такъ точно и духъ человека всецѣло происходитъ изъ низшихъ позвоночныхъ животныхъ. Если и говорить, что человекъ надѣленъ какою-то божественною

искрою, которая будто бы составляет его разумъ и отличаетъ его отъ разумныхъ животныхъ, то сравнительная психологія доказываетъ, что этого мнимого рубежа между человекомъ и животнымъ не существуетъ. У большинства людей не больше разума, чѣмъ у большинства животныхъ. Скажемъ съ Гете, что человекъ жилъ бы несколько лучше, если бы не имѣлъ этого призрака луча небеснаго». Такимъ образомъ несомнѣнно, что для матеріалистическаго трансформизма не существуетъ никакого рубежа между животнымъ и человекомъ. Но, спрашивается, можно ли, въ самомъ дѣлѣ, сближать до такой степени разстояніе между человекомъ и животнымъ?

Кагдажъ, опредѣляя специфическій характеръ человека, самымъ рѣшительнымъ образомъ отличающій его отъ животнаго, приходитъ къ тому выводу, что этотъ характеръ нужно видѣть не въ умѣ или жизни чувства,—потому что и животнымъ до известной степени нельзя отказать въ умѣ и жизни чувства,—а въ нравственной жизни и религіозности. Не оспаривая этого вывода знаменитаго натуралиста, мы хотимъ бы только пополнить его. Мы убѣждены, что если самая отличительная черта человека дѣйствительно состоитъ въ нравственной жизни, то эта нравственная жизнь воздѣйствуетъ и на другія его способности, поднимая ихъ до высоты недоступной для животныхъ. Отсюда, между умомъ человека и умомъ животныхъ существуетъ уже не простое лишь различіе степени, но подъ вліяніемъ нравственной природы человека и умъ его всецѣло преобразуется. Въ самомъ дѣлѣ, когда человекъ сознаетъ свою личность, когда онъ можетъ сказать о себѣ: я, когда отличаетъ себя отъ вѣшняго міра, то онъ совершаетъ нѣкоторый актъ воли, самоопредѣленія, чтобы не дать себя болѣе увлекать потоку ощущеній. Ощущеніе даетъ намъ представленія только о настоящей минутѣ, также преходящія, какъ и само, вызывающее ихъ, ощущеніе. Человекъ возмываетъ надъ этимъ потокомъ ощущеній, сознаетъ въ себѣ нѣчто

устойчивое и это вѣчто устойчивое есть его я, центръ его нравственной и интеллектуальной жизни, его *волящее* я, заключающее въ себя различіе между субъектомъ желающимъ и объектомъ желаемымъ. А какъ скоро опредѣлилась такимъ образомъ его личность, она ставитъ его и съ интеллектуальной точки зрѣнія безконечно выше всѣхъ животныхъ. Съ того самаго момента, какъ только человекъ высвобождается надъ безостановочнымъ потокомъ ощущеній, какъ только путемъ рефлексіи, представляющей собою актъ воли, онъ приходитъ къ сознанию присутствія въ себѣ всегда тождественной себѣ личности, онъ имѣетъ и воспоминанія о себѣ, можетъ строить для себя и планы будущаго: онъ уже независимъ болѣе отъ одного пастоящаго, быстро преходящаго, момента. Съ этого времени онъ начинаетъ скоплять въ себѣ сокровище познаній прочихъ, то сокровище опыта, которое составляетъ условіе прогресса. Такимъ образомъ, различіе между человекомъ и животнымъ состоитъ не въ одномъ только интеллектуальномъ, болѣе или менѣе значительномъ, природномъ превосходствѣ, а въ томъ, что человекъ обладаетъ умомъ развивающимся, что онъ—существо способное къ прогрессу, а онъ способенъ къ прогрессу потому, что стоитъ выше ощущеній, которыя проходятъ, не оставляя животному никакого продолжительнаго воспоминанія. Человекъ размышляетъ, человекъ владѣетъ собою, онъ—личность и, какъ личность, онъ можетъ мыслить о прошедшемъ и о будущемъ. Между человекомъ и животнымъ, какъ прекрасно выражается Эдгаръ Кипэ, лежатъ вся глубина исторіи, а исторія—это духъ идущій впередъ, дѣлающій завоеванія и передающій ихъ потомству, а не увлекаемый всецѣло потокомъ текущихъ ощущеній. Словомъ—нравственныя способности человека таковы, что въ состояніи преобразовать и самыя условія интеллектуальной жизни. Не забудемъ, что изъ всѣхъ одушевленныхъ существъ человекъ одинъ говоритъ въ истинномъ смыслѣ этого слова,—что слово предполагаетъ способность отвлече-

нія и обобщеніи, принадлежащую только разуму. Никогда, говоритъ Максъ Мюллеръ, животное не перейдетъ этотъ Рубиконъ языка.

Если теперь мы обратимъ вниманіе на нравственныя способности человѣка сами въ себѣ, то въ нихъ увидимъ неотъемлемое достоинство человѣка. Мы знаемъ хорошо, какія усилія софистика нашего времени употребляетъ къ тому, чтобы растворить въ своемъ тиглѣ абсолютное достоинство морали. Знаемъ, что она старается всѣми средствами разбить въ прахъ тотъ гранитъ категорическаго императива, тотъ внутренній законъ, который повелѣваетъ намъ дѣлать то, чего часто не хотѣлось бы намъ дѣлать. Дарвинъ истощается въ усиліяхъ превратить совѣсть человѣка въ простой инстинктъ общежитія, который въ сущности есть не что иное, какъ скрытый эгоизмъ. Въ опроверженіе этой утонченной аргументаціи достаточно сослаться на совѣсть самихъ же ея изобрѣтателей. Когда они не наблюдаютъ за собою, вы услышите отъ нихъ вопль негодованія, лишь только они встрѣчаются лицомъ къ лицу съ какою-нибудь ужаснымъ преступленіемъ,—вы увидите, какъ они оказываютъ невозможное уваженіе къ этому нравственному обязательству, этому закону долга, который есть всеобщій законъ человѣческаго сознанія и въ которомъ, какъ говоритъ Софокль, присутствуетъ Богъ; потому что совѣсть именно и открываетъ человѣку божественное. Она, лишь только человѣкъ почувствуетъ ее въ себѣ, становится его постоянною заботою и постояннымъ мученіемъ. Онъ скорѣе создаетъ себѣ какой-нибудь чудовищный идолъ, чѣмъ откажется отъ нея, и даже на этотъ отвратительный фетишъ переноситъ сокрытую въ его сердцѣ великую идею. И не только человѣкъ стремится къ божественному, но его душа крыломъ своимъ разбиваетъ и свою земную темницу: онъ стремится за предѣлы настоящей жизни къ той таинственной странѣ, въ которой, онъ вѣритъ, долженъ жить снова. Инстинктъ, или предъощущеніе безсмертія также мо-

гущественно въ немъ, какъ нравственное и религіозное чувство. Можете ли вы послѣ того сказать, что человекъ не отличается отъ животнаго? Я припоминаю себѣ слова одного изъ блестящихъ нашихъ современниковъ: человекъ, говорить Тэнъ, конечно животное, но съ чертами, въ высшей степени своеобразными, особенными. И въ самомъ дѣлѣ, такіе моменты въ жизни животнаго, чтобы оно, напр., поднимало, по выраженію поэта, свой взоръ къ небу, или жертвовало своими страстями и своими интересами долгу, составляютъ, конечно, особенности. А эта особенность и составляетъ оригинальность человека, то что дѣлаетъ его человекомъ, специфическую черту его природы. Но что наиболѣе особеннаго представляетъ это неподобное животное, такъ это то, что окружите его всевозможнымъ довозъствомъ, преподните его всевозможными радостями и почестями, оно не будетъ довольно, — въ немъ останется нечто такое, что будетъ страдать и воздыхать, — на его глазахъ будутъ видны слезы. Говорятъ, это слезы безпричинныя, но я утверждаю, что онѣ имѣютъ для себя важнѣйшую изъ причинъ: это — стремленіе къ божественному, скорѣе предощущаемому, чѣмъ обладаемому. Эти слезы представляютъ собою какъ бы царское помазаніе человека. Съ такими ограниченіями я почти готовъ принять данное Плиніемъ опредѣленіе человека: *animal fleus imperatum*, животное, призванное господствовать надъ міромъ и плачущее. Въ этомъ господствѣ надъ міромъ я вижу рефлектирующую мысль, представляющую собою исключительную принадлежность человека на землѣ; если же онъ плачетъ, то это значить, что онъ не удовлетворяется, даже и господствуя надъ міромъ.

Намъ возражать, быть можетъ, на это, что мы облегчили свою задачу, взявъ въ разсмотрѣніе человекъ на першнцѣ его цивилизаціи, послѣ того какъ онъ прошелъ длинный рядъ вѣковъ. Ну что-жъ? такъ перенесемся къ той таинственной эпохѣ, которой не предшествовала не только цивилизація, но даже и исторія.

Извѣстно, что около тридцати лѣтъ тому назадъ возникла новая наука, которая отодвигаетъ судьбы человѣчества чрезвычайно къ отдаленному времени. Не вдаваясь въ фантазіи тѣхъ, которые говорятъ о міріадахъ лѣтъ,—какъ будто, если брать вѣка, то нужно брать ихъ какъ можно больше,—оставаясь при данныхъ, которыя можно назвать вѣроятными, въ настоящее время доказываютъ, что человѣкъ населяетъ Европу со времени послѣдняго великаго геологическаго кризиса, опредѣлившаго ея почву, въ эпоху ледниковъ, загнѣвъ въ эпоху великихъ подъемовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ слояхъ, принадлежащихъ неоспоримо этому геологическому періоду, находятъ человѣческіе костяки и многочисленные орудія войны и труда. Сверхъ того, около человѣческихъ костяковъ гробозится скелеты животныхъ совершенно исчезнувшихъ, или же переселившихся, вслѣдствіе видоизмѣненій климата, въ сѣверные пояса. Наука можетъ возстановить, до нѣкоторой степени, исторію четвертичнаго человѣка, по крайней мѣрѣ исторію его первыхъ развитій. За его прогрессомъ можно слѣдить по инструментамъ, которые онъ грубо высѣкалъ сначала изъ кремня, потомъ изъ камня, обтесывая ихъ и заостряя, пока, наконецъ, дошелъ до употребленія металловъ, начиная съ бронзы. Въ настоящее время имѣется значительная коллекція всѣхъ этихъ остатковъ первоначальной человѣческой культуры. Великолѣпное антропологическое отдѣленіе выставки, размѣщая ихъ въ самой методической классификаціи, представляетъ намъ множество образчиковъ этихъ трехъ возрастовъ доисторическаго времени въ различныхъ странахъ міра, такъ что мы можемъ до извѣстной степени возстановить матеріальный и нравственный бытъ того человѣка, который припужденъ былъ выдерживать страшную борьбу съ мамонтомъ, пещернымъ медвѣдемъ и бунтующими стихіями. Въ этихъ то остаткахъ человѣческаго труда матеріалистическіе трансформисты стараются отыскать доказательство того, что человѣкъ этихъ отдаленныхъ временъ приближался къ

обезьянѣ. Однажды они сдѣлали открытіе, преисполнившее ихъ радостію,—открытіе черепа, такъ называемаго *Neanderthal*, въ долинѣ прирейнской Пруссіи. Надо сознаться, что этотъ черепъ имѣетъ не совсѣмъ красивую форму, не отличается царскимъ видомъ. Тѣмъ не менѣе, когда подвергли его измѣренію, нашли, что онъ могъ содержать въ себѣ столько же мозгового вещества, сколько и современный черепъ. Случилось забавное приключеніе съ однимъ изъ крупныхъ корифеевъ матеріалистическаго трансформизма, Фогтомъ. Изъ этого черепа Фогтъ извлекалъ, на первыхъ порахъ, много выгоднаго въ пользу своихъ извѣстныхъ мнѣній о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; но вотъ, при свиданіи съ однимъ изъ своихъ лучшихъ друзей, онъ долженъ былъ убѣдиться, что строеніе черепа его друга напоминаетъ ему о его заблужденіи на счетъ черепа *Neanderthal*. Настаивать на этомъ аргументѣ уже не было болѣе возможности.

Есть и другіе черепа почти изъ той же самой эпохи, въ особенности черепъ, такъ называемый *Crosmagnon*, открытый въ пещерѣ этого имени. Это—типическій черепъ, потому что служить представителемъ цѣлой расы, принадлежащей къ четвертичной эпохѣ, т. е. къ эпохѣ грубаго камня. По своей продолговатой формѣ, онъ отличается гордымъ видомъ,—въ немъ нельзя не видѣть того грандіознаго храма мысли, о которомъ говорятъ Гамлетъ въ знаменитомъ разговорѣ съ могильщикомъ. Если мы соединимъ всѣ остатки человѣческаго труда этой эпохи, то придемъ къ убѣжденію, что уже четвертичный человѣкъ представлялъ всѣ отличительныя черты человѣческой расы. Прежде всего, въ этихъ остаткахъ встрѣчается множество инструментовъ, орудій. Думали ли мы о томъ, что означаетъ орудіе? Дѣлаетъ ли себѣ когданибудь животное орудіе? Говорятъ объ обезьянѣ, которая иногда случайно хватаетъ въ свои руки палку, но отъ палки до орудія огромное разстояніе. Орудіе предполагаетъ мысль обдумывающую, мысль предвидящую,

Труды Киевской дух. Академіи, 1879 г. т. I.

а не ощущение только, удовлетворяющееся настоящею минутою. Орудіе служить не одному настоящему моменту; оно показываетъ предусмотрительность, заботу о завтрашнемъ днѣ. Оно представляетъ уже собою нѣчто царственное. Около орудія находятъ иголку, сдѣланную изъ кости; отсюда заключаютъ, что тогда существовала уже одежда, а вмѣстѣ съ нею предощущеніе стыда. Известныя палочки, обдѣланныя постоянно по одному и тому же образцу, принято нѣмѣ считать за начальническіе жезлы, что предполагаетъ зародышъ общественной іерархіи. Въ антропологическомъ отдѣленіи можете, если захотите, видѣть на костяхъ сѣвернаго оленя настоящіе рисунки, весьма живо схваченное изображеніе большихъ животныхъ, противъ которыхъ человѣкъ боролся, а также и его собственный образъ. Вотъ начало искусства; это—таже самая способность, которая позднѣе проявится въ Рафаэлѣ и Микель-Анжело. Неоспоримо также въ этихъ древнихъ нещерахъ присутствіе амулетовъ и фетишей, а въ этихъ грубыхъ идолахъ я вижу выраженіе смутнаго предощущенія божественнаго начала, религіозный символъ. Наиболѣе великаго въ этомъ древнемъ мірѣ представляетъ собою могила, которая предполагаетъ во первыхъ семейство, и затѣмъ открываетъ собою дверь къ міру невидимому, потому что въ долменахъ, покрывавшихъ нашу Европу въ эти отдаленныя времена, около покойника находятъ всегда его оружіе, убранство и даже пищу: его родственники вѣрили, слѣд., въ его загробную жизнь. Эдгаръ Кинэ замѣчаетъ, что въ эти давно протекшія эпохи трупъ давали въ могилѣ колѣнопреклоненное положеніе, положеніе младенца въ утробѣ его матери. Знаменательный символъ! Можно сказать, что человѣкъ и тогда уже вѣровалъ въ какое-то таинственное возрожденіе въ лонѣ великой матери. Я не хочу сочинять романъ этого первобытнаго человѣка. Ему приходилось выдерживать ужасную борьбу, не одинъ разъ онъ совершалъ акты жестокости; тѣмъ не менѣе онъ не былъ простымъ сыномъ

жизнотности; въ немъ я признаю представителя моей расы; въ его взорѣ я вижу горящее пламя ума, и пламя иногда очень чистое.

Безъ сомнѣнія, все это, человѣческое, въ первобытномъ человѣкѣ шло весьма грубо, но все же то былъ человекъ, а не животное. Предоставьте эти зародыши развитію, и вы получите человечество такимъ, какимъ оно есть въ настоящее время, какимъ является оно на этой, столь величественной и столь царственной выставкѣ. Въгъ это простое и грубое орудіе первобытнаго человѣка стало сложною ремесленною машиною, посредствомъ которой человекъ, повелѣвая паромъ, сучить матерію, обрабатываетъ ее по своему желанію, выдѣлываетъ ткани изъ льна. Этотъ начальническій жезлъ привелъ къ новѣйшему гражданскому быту, основанному, по крайней мѣрѣ въ теоріи, на правѣ и правдѣ, благодаря которому для всѣхъ народовъ возможна въ настоящемъ мѣстѣ мирная встрѣча. Этотъ маленькій неотчетливый рисунокъ сѣвернаго оленя и мамонта превратился въ то блестящее, восхищающее насъ, искусство, которое начертываетъ идеалъ на полотнѣ или мраморѣ, или же съ Бетховеномъ, Моцартомъ и великими современными композиторами плѣняетъ человека съ его привычными и печальными чувствами, распространяя на нихъ благоуханіе гармоніи. Что же касается религіозной идеи, выражаемой этими жалкими амулетами, или сокрытой въ могилахъ первобытнаго человека, то вамъ извѣстно, какое высокое развитіе она получила. Когда въ этомъ блестящемъ дворцѣ человѣческаго труда оглушительный шумъ машинъ, или ропотъ толпы покрываются на минуту звуками органа,—звуками, по выраженію поэта, вѣщающими намъ здѣсь, на землѣ, начало безконечнаго,—то мнѣ кажется, что, вознося наши молитвы къ небу, эти звуки отвѣчаютъ и тому смутному стремленію, которымъ трепетало сердце четвертичнаго человека.....

II.

Мы сказали, что недостаточно обладать царственнымъ достоинствомъ, а нужно еще сохранять его. Сохраняется же оно въ томъ лишь случаѣ, когда его не преувеличиваютъ. Кто хочетъ обладать имъ безусловно и независимо отъ Бога, находитъ вѣрнѣйшее средство утратить его.

Кто хочетъ, говорить Паскаль, стать ангеломъ, дѣлается подобнымъ свету. Что же сказать о томъ, кто хочетъ стать богомъ? А между тѣмъ, среди нашихъ современниковъ—не можемъ того отрицать—есть не мало людей, которые съ Ренаномъ объявляютъ, что они не могли нигдѣ открыть свободной и разумной воли выше и вѣе челоуѣка. Къ такому результату приходятъ всѣ пантеисты. Какъ скоро признается, что божество всецѣло заключается въ мірѣ, то челоуѣкъ, какъ высшая форма міровой жизни, является самымъ высшимъ выраженіемъ божества. И всѣ стоицизмы, даже когда они сохраняютъ нѣкоторый оттѣнокъ деизма, приходятъ къ тому же выводу. Ибо, требуя отъ насъ вѣры, что мы можемъ обходиться и сами собою, они изолируютъ насъ въ горделивой независимости. Вѣдь думалъ же Сенека, что его мудрецъ на безлюдной и утесистой вершинѣ, куда заточалъ онъ его, выше и божественнѣе Юпитера. Преувеличивать до такой степени царственность челоуѣка значить терять ее. Вы—скажемъ мы тѣмъ, которые предаются этой безумной попыткѣ—вы не хотите признавать ничего высшаго себя,—не видите, что, въ такомъ случаѣ, убиваете въ челоуѣкѣ самый элементъ его превосходства. Откуда же и является ли челоуѣкъ это превосходство, если не отъ Бога? Что есть наиболѣе отличительнаго въ челоуѣкѣ, это то, что онъ имѣетъ нѣчто божественное, чрезъ это собственно онъ и есть челоуѣкъ: откуда же явилось бы въ немъ это божественное, если не отъ Бога? Вы, конечно, не можете допустить, чтобы слѣдствіе было больше своей причины. Если челоуѣкъ происходитъ не отъ свободной и ра-

зумной причины, а изъ слѣпой природы, онъ не можетъ быть выше этой своей причины. Нельзя выводить высшее изъ низшаго. Такимъ образомъ, отрицая Бога, вы отрицаете свободную и разумную причину и неизбѣжно доходите до того, что похищаете и у человѣка его умъ и волю и низводите его на степень животного.

Съ другой стороны,—не забывайте этого,—человѣкъ долженъ восторжествовать надъ природою. А что такое наше тѣло, какъ не жизнь натуральная, присущая человѣку? Нужно, слѣд., покорить природу и въ насъ самихъ. Коль скоро мы не въ состояніи восторжествовать надъ самими собою, мы перестаемъ быть царями и становимся рабами. Между тѣмъ, чтобы господствовать надъ своимъ тѣломъ, надъ этою натуральною силою, обитающею въ насъ, намъ нужна сила, которая бы происходила изъ источника отличнаго отъ нашей природы, подлежащей укрощенію,—сила духовная, божественная. Но если вы похищаете у человѣка его духовную силу, силу божественную, онъ сейчасъ же подпадаетъ подъ власть ощущеній, становится игралищемъ своего тѣла. Его возмущеніе противъ Бога непосредственно ведетъ за собою возмущеніе тѣла противъ духа. Тогда природа, эта великая Цирцея, волшебства которой не имѣютъ себѣ равныхъ, окружаетъ его своими утѣхами, опьяняетъ его всевозможными чарами и, парализуя въ немъ высшую силу болѣе и болѣе, возлагаетъ его на ложе позоръ, если угодно, но для того, чтобы убить въ немъ нравственное существо.

Не вѣрьте, будто человѣкъ, отвращаясь отъ высшаго и невидимаго міра, тѣмъ лучше сможетъ обладать низменнымъ, натуральнымъ міромъ. Этого не бываетъ, потому что нельзя дробить бытіе человѣка. Когда вы ослабили или изломили въ человѣкѣ великую нравственную пружину, т. е. совѣсть, неотдѣлимую отъ чувства божественнаго, то чрезъ это вся человѣческая дѣятельность парализована. Природа, въ такомъ случаѣ, не только торжествуетъ надъ

человѣкомъ, отдавая его во власть ощущенія, но и совершенно поработщаетъ его себѣ. Изнѣженный наслажденіями, онъ теряетъ мужество, силу, отвыкаетъ отъ терпѣливаго труда. Природа ускользаетъ изъ его рукъ, дѣлается опять дикою и безплодною, превращается въ пустыню. Проходя самыя великолѣпныя страны, лежащія на востокѣ Средиземнаго моря, Сирію, Малую Азію, вы можете убѣдиться, что небо тамъ такое же ясное, какимъ было оно во времена ихъ благоденствія, что земли сама по себѣ столь же плодородна, и однако вы встрѣчаете лишь развалины на каменныхъ поляхъ. Тутъ недостаетъ не руки человѣка, а того нравственнаго импульса, который побуждаетъ человѣка разрывать плугомъ лоно земли и оплодотворить ее. Надъ этими величественными странами распростертъ саванъ смерти. Онъ окутываетъ ихъ прогрессивно, по мѣрѣ того, какъ слабѣетъ высшая жизнь въ этихъ, столь одаренныхъ, племенахъ. *Mens agitat molem*: духъ движетъ матерію. Когда духъ слабѣетъ, природа покрываетъ своими терніями ту почву, на которой возвышались некогда дворцы и храмы. Посмотрите на этой выставкѣ, какъ распредѣляются богатства, плоды человеческого труда, и вы убѣдитесь, что промышленность, своимъ образомъ, выражаетъ вѣроподобную покорность царственному достоинству духа.

И не одна матеріальная только жизнь человѣка страдаетъ отъ забвенія имъ божественнаго; отдѣляясь отъ Бога, человѣкъ подвергается опасности и свое человеческое право. Право человѣка тождественно съ правомъ божественнымъ, а если божественное право приносится въ жертву,—а оно подвергается опасности, лишь только человѣкъ, возносясь въ своей гордынѣ, думаетъ быть своимъ единственнымъ господиномъ,—то не стоитъ и говорить о томъ, что остается отъ права человеческого. Знаете ли вы, что составляетъ истинное право человѣка? Знаете ли, что покрываетъ священнымъ щитомъ самаго бѣднаго, самаго жалкаго нищаго, негра, раба? Это—мысль, что и этому бѣдному су-

ществу присущъ божественный лучъ,—увѣренность, что и оно создано по образу Божию. Человѣкъ знаетъ тогда, что насиловать его право значитъ совершать снитотатство, потому что это было бы оскорбленіемъ Бога, образъ котораго носить оно. Если же, напротивъ, человѣкъ есть только животное, то съ этимъ вмѣстѣ открывается попріе дикой нѣрѣ силы, завязывается безпощадная и безжалостная борьба за существованіе. „Мѣсто сильнымъ, слабымъ назадъ“—вотъ девизъ вѣрнаго самому себѣ трансформизма, и я могъ бы сослаться при этомъ на послѣднюю книгу Штрауса, озаглавленную *Новая Вѣра*: въ этомъ философскомъ завѣтѣ девизъ этотъ формулировалъ съ неумолнимою точностію. Пускай не обольщается демократія, та республиканская демократія, мирное и свободное развитіе которой вы хотите видѣть; если она не допускаетъ права божественнаго, то тотчасъ же утратитъ, повергнетъ къ ногамъ и право человѣческое. Въ переживаемое вами время божье, чѣмъ когда либо, необходимо давать преобладающее господство великому царству Божию. Тѣ величественныя формы развитія, какія приняла современная цивилизація, не чужды опасностей. Никогда человѣкъ не имѣлъ столько средствъ украшать свое жилище, роскошно одѣваться, призывать къ своимъ услугамъ всѣ силы природы и всѣ сокровища міра. Всѣ эти силы, которыми онъ располагаетъ, могутъ обратиться противъ него, если правящая сила его не будетъ возрастать въ такой же прогрессіи, чтобы господствовать надъ ними. Римская имперія испытала нечто подобное. Человѣческая душа умирала тамъ среди величайшихъ богатствъ, въ необузданной и безпримѣрной роскоши, умирала потому, что матеріальная жизнь и природа поработали ее и опьяняли. Недостаточно имѣть пышную колесницу и великолѣпныхъ коней,—пускай то будетъ колесница столь же блестящая и роскошная, какъ колесница солнца, а кони столь же быстры, какъ молнія и не знающее разстояніи электричество. Необходима еще твердая рука, умѣющая

держатъ возжи; иначе грозитъ опасность, быть разбитымъ. Такимъ образомъ, нужно признать, что царство человѣка неотдѣлимо отъ царства Божія, что человѣкъ—царь настолько, насколько онъ—священникъ, т. е. насколько онъ оказываетъ Богу Творцу своему благоговѣніе твари и покоряясь высшей волѣ, дѣлаетъ изъ своей свободы наиболѣе благородное употребленіе. Заканчивая свое слово объ этомъ, я припоминаю себѣ эту возвышенную пѣснь древняго Семита, который, сравнивая малость человѣка съ великостью вселенной, восклицалъ: Когда смотрю я на небеса и славу ихъ, говорю: что такое человѣкъ? Какъ малъ и жалокъ онъ въ сравненіи съ распростертой надъ его головою безконечностью! Однако Ты вѣнчалъ его славою и честью. Этотъ червь больше, чѣмъ всѣ небеса, и вздохъ его сердца стоитъ дороже, чѣмъ всѣ звѣзды, когда онъ чтитъ своего Бога, когда поетъ пѣснь Вѣчному. Ты поставилъ его надъ дѣлами рукъ Своихъ. Ты покорилъ все подъ ноги его. Условіе этого господства—та хвалебная пѣснь, которою человѣкъ первый подаетъ голосъ за твореніе: *Вѣчный, какъ велико Твое имя по всей земли!* (Псал. 8).

Этой, отъ Бога происходящей, царственности человѣкъ не сохранилъ именно потому, что пересталъ быть священникомъ творенія. Въ настоящій моментъ мы не намѣрены затрогивать этого великаго предмета. Ограничимся заявленіемъ, что мы признаемъ паденіе человѣка не догматомъ только, а фактомъ; оно одно объясняетъ намъ контрасты человѣческой природы за разъ и столь низкой и столь великой, вращающейся въ прахѣ и, однако, подобной орлу, у котораго подрѣзаны крылья и который устремляетъ свой взоръ къ солнцу, не будучи въ состояніи созерцать его лицомъ къ лицу. Мы признаемъ паденіе за фактъ дѣйствительный. Но чрезъ это мы отнюдь не унижаемъ человѣчества, а чтимъ его; ибо думать, что тотъ искаженный и жалкій человѣкъ, котораго мы видимъ, есть человѣкъ первоначальный, значить унижать его идею, а для

этого мы не имѣемъ достаточно смиренія, или лучше достаточно низости. Христіанство смиряетъ насъ, но не унижаетъ; оно ни въ какомъ случаѣ не презираетъ человѣческой природы. Не отъ него идутъ обидныя глумленія надъ сыномъ жены. Христіанство учитъ насъ, что мы—по происхожденію чада Божія, низко падшія, но помнящія о небѣ. Оно говоритъ намъ, что мы можемъ снова обрѣсти свое царственное достоинство, и указываетъ намъ вѣрный путь къ возвращенію утраченнаго. Въ преполовленіе временъ, въ пѣдрахъ человѣчества, явился истинный человѣкъ и истинный царь. *Ессе homo!* вотъ человѣкъ. Истиннаго человѣка не видали ни Аѳины въ своихъ художникахъ и великихъ поэтахъ, ни Римъ въ своихъ цезаряхъ. Его вѣнецъ изъ тернія, его тронъ—крестъ, но на этомъ крестѣ Онъ совершилъ величайшее жертвоприношеніе и этимъ добровольнымъ искупленіемъ Онъ самымъ величественнымъ образомъ утвердилъ царство человѣка надъ натуральною жизнью. Вотъ человѣкъ въ своемъ подлинномъ царственномъ достоинствѣ,—вотъ великій Первосвященникъ человѣчества: онъ показалъ намъ, какою кровавою, но вѣрною стезею мы можемъ снова обрѣсти вѣнецъ свой. Таково ученіе христіанства о человѣчествѣ. То, что говоритъ намъ оно, мнѣ кажется гораздо менѣе унизительно, чѣмъ тѣ печальныя доктрины, опровергнуть которыя пытались мы,—доктрины, которыя за недостаткомъ положительныхъ доказательствъ, умножаютъ свои гипотезы только въ непонятной страсти—унизить человѣка, думая сдѣлать его чрезъ это свободнымъ.
